УДК 811.511.13
DOI: 10.30624/2220-4156-2021-11-3-470-478

Семантика эгрессива в пермских языках: межъязыковые различия

Г. А. Некрасова
Институт языка, литературы и истории
ФИЦ «Коми научный центр» Уральского отделения РАН,
г. Сыктывкар, Российская Федерация,
komilang@gmail.com

АННОТАЦИЯ

Введение. В современных пермских языках большинство пространственных падежей являются наследием прапермского языка. В ходе исторической эволюции языков менялись морфологические и функционально-семантические характеристики общепермских падежей, поэтому актуальным является выявление сходств и различий в их употреблении.

Цель: выявить различия в употреблении эгрессива в коми-зырянском, коми-пермяцком и удмуртском языках.

Материалы исследования: эмпирическую базу исследования составили оригинальные тексты на коми-зырянском, коми-пермяцком и удмуртском языках из печатных источников и электронных корпусов.

Результаты и научная новизна. В работе впервые предпринято сопоставительное исследование семантической структуры эгрессива пермских языков. Установлено, что в каждом из пермских языков эгрессив имеет специфические функционально-семантические особенности. В коми языках эгрессив имеет значения, которые в удмуртском языке выражаются аблативом. Значения, которые присущи для эгрессива только в коми-пермяцком языке, в коми-зырянском языке входят в семантическую зону элатива, в удмуртском языке – в семантическую зону аблатива. В удмуртском языке эгрессив может выражать значения, которые в коми языках выражаются инессивом или послелогом *вылын* ‘на’. На основе анализа семантики падежа делается вывод о разных источниках формирования эгрессивных суффиксов в коми и удмуртском языках. В научный оборот вводятся новые данные, которые могут быть использованы в сравнительно-исторических и типологических исследованиях падежей.

***Ключевые слова*:** внутригенетическая типология, финно-угорские языки, пермские языки, морфология, падеж, эгрессив.

Для цитирования: Некрасова Г. А. Семантика эгрессива в пермских языках: межъязыковые различия // Вестник угроведения. 2021. Т. 11. № 3. С. 470–478.

Semantics of the egressive in the Permian languages: interlanguage differences

G. A. Nekrasova
Institute of Language, Literature and History,
Komi Scientific Center of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Syktyvkar, Russian Federation,
komilang@gmail.com

ABSTRACT

Introduction: in modern Permian languages most of the spatial cases are the legacy of the Proto-Permian language. In the course of the historical evolution of languages, the morphological and functional-semantic characteristics of common Permian cases have changed, so it is important to identify similarities and differences in their use.

Objective: to identify differences in the use of the egressive in the Komi-Zyryan, Komi-Permian and Udmurt languages.

Research materials: the empirical base of the study was made up of original texts in the Komi-Zyryan, Komi-Permian and Udmurt languages from printed sources and electronic corpora.

Results and novelty of the research: for the first time, a comparative study of the semantic structure of the egressive of the Permian languages is undertaken. It is revealed that in each of the Permian languages, the egressive has specific functional and semantic features. In the Komi languages, the egressive has meanings, which in the Udmurt language are expressed by the ablative. The meanings that are inherent for the egressive only in the Komi-Permian language, in the Komi-Zyryan language are included in the semantic zone of the elative, in the Udmurt language – in the semantic zone of the ablative. In the Udmurt language, the egressive can express meanings that in the Komi languages are expressed by the inessive or the postposition *vylyn* ‘on’. Based on the analysis of the semantics of the case, it is concluded that there are different sources of the formation of egressive suffixes in the Komi and Udmurt languages. New data are introduced into scientific circulation, which can be used in comparative-historical and typological studies of cases.

***Key words*:** intragenetic typology, Finno-Ugric languages, Permian languages, morphology, case, egressive.

For citation: Nekrasova G. A. Semantics of the egressive in the Permian languages: interlanguage differences // Vestnik ugrovedenia = Bulletin of Ugric Studies. 2021; 11 (3): 470–478.

Введение

Актуальным для современного финно-угроведения является проведение внутригенетических сопоставительных исследований отдельных фрагментов грамматической системы, особенно единиц, восходящих к ранним периодам языковой истории (прауральскому, прафинно-угорскому, прапермскому и др.). Необходимость таких исследований в рамках семьи/группы родственных языков обусловлена тем, что они «позволяют дать более полное и адекватное представление о качественных характеристиках языковых параметров, документировать пространство типологических возможностей вариативных, неустойчивых и структурно сложно устроенных параметров, обнаружить редкие параметры» [9, 19]. К сложным и постоянно развивающимся параметрам в большинстве финно-угорских языков относится категория падежа, отличающаяся от других грамматических категорий многочленностью и взаимодействием её единиц. Этим объясняется постоянный интерес к падежу, который в финно-угроведении, в том числе в пермском языкознании, является одной из наиболее изучаемых грамматических категорий, см. исследования [11; 14; 16; 19; 27; 30; 32; 33; 34]. Несмотря на достигнутые успехи в изучении грамматики пермских языков, отсутствуют специальные исследования падежной системы коми-пермяцкого языка, фрагментарно описана падежная система коми-зырянского языка, не получили освещения некоторые вопросы падежной системы удмуртского языка. Крайне слабо разработаны вопросы внутриязыкового и межъязыкового варьирования, дистрибуции и функционирования падежных единиц, что затрудняет сравнительно-сопоставительное исследование падежей пермских языков в целом.

Целью данного исследования является выявление различий в употреблении одного из общепермских падежей. Выбор эгрессива обусловлен тем, что в пермских языках структура его суффикса, в отличие от суффиксов других падежей, различается, ср. кз. кп. *-сянь*, удм. *-ысен*, что легло в основу различного истолкования времени происхождения, источника и исходной семантики падежа. Существует точка зрения, согласно которой современные суффиксы эгрессива восходят к единой праформе, представляющей собой сложный суффикс, сформировавшийся на основе суффикса элатива. В качестве источника второго компонента суффикса рассматривались: 1) эмфатическая частица [29, 385], 2) суффикс инструменталя [26, 26]; 3) лативный суффикс **-n'* [20, 149; 28, 89; 36, 382]. Согласно другой точке зрения, суффиксы эгрессива коми и удмуртского языков имеют разное происхождение. Первый компонент обоих суффиксов возводится к суффиксу элатива, источником второго в суффиксе *-сянь* усматривается лативный суффикс **-n'*, в суффиксе *-ысен* – суффикс инессива, восходящий к локативному суффиксу **-nа/*-nä* [4, 151; 35, 383]. Ш. Чуч отмечает, что такая этимология суффикса фонетически безупречна, и, кроме того, отвечает на вопрос, почему удмуртский суффикс имеет структуру VCVC. Сомнение вызывают два момента: роль инессивного суффикса, а также семантическое сходство суффиксов *-сянь* и *-ысен* [31, 192–193]. Нет единого мнения и в отношении хронологии развития эгрессивных суффиксов. Исследователи, возводящие современные суффиксы эгрессива к единому источнику, относят их развитие к прапермскому периоду, объясняя наличие велярного согласного в суффиксе удмуртского эгрессива депалатализацией конечного *-n'*. Сторонники второй точки зрения предполагают, что эгрессивные суффиксы пермских языков хронологически разного происхождения: суффикс *-сянь* возник в общепермскую эпоху; суффикс *-ысен* – в период самостоятельного развития удмуртского языка. Представляется, что для уяснения нерешенных вопросов развития эгрессива необходимо выяснить особенности его употребления в современных пермских языках.

Материалы и методы

Эмпирической базой для исследования послужили оригинальные тексты на коми-зырянском, коми-пермяцком и удмуртском языках из печатных источников и электронных корпусов. Письменные источники составили художественные, диалектные и фольклорные тексты. Основным источником материала удмуртского и коми-зырянского языков явились тексты Корпуса удмуртского языка [13] и Корпуса коми языка [12]. При исследовании использовались описательный и сравнительно-сопоставительный методы, приёмы семантического анализа.

Результаты

В пермских языках группу пространственных падежей составляют общепермские падежи (инессив, иллатив, элатив, эгрессив, аппроксиматив, пролатив, терминатив). В ряде диалектов имеются также падежи, которые развились

в период самостоятельного развития языков [3, 129–141; 8, 118–119; 15; 18]. Семантическая структура общепермских падежей имеет сходства и различия в родственных языках. Такая ситуация характерна и для эгрессива. Общими являются пространственные (кз. *карсянь*, кп. *городсянь*, удм. *карысен* ‘от города’) и некоторые непространственные значения: темпоральное (кз. кп. *тулыссянь*, удм. *тулысысен* ‘с весны’), исходного количества (кз. *вит шайтсянь*, удм. *вить манетысен* ‘от пяти рублей’). Интерес представляют значения, присущие эгрессиву только в двух или в одном из родственных языков.

Семантические особенности эгрессива в коми языках

В коми языках эгрессив имеет значения, которые в удмуртском языке передаются аблативом (показатель *-лэсь*):

1. Исходный посессор. Типологически различаются два типа предложений с исходным посессором в зависимости от пассивности/активности субъекта действия и источника: предложения с активным/пассивным субъектом и предложения с активным/пассивным источником (на материале русского языка рассмотрено Ю. Д. Апресяном [2, 607–608]). В удмуртском языке в обоих случаях исходный посессор оформляется аблативом, в коми языках отношения между субъектом действия и исходным посессором дифференцированы. Аблатив используется в случае описания ситуации с активным субъектом действия и пассивным посессором, у которого отнимается, берётся объект, ср.: кз. *Ласей дядьыдлысь босьтам сӧмын ӧти вӧвсӧ*. (В. Юхнин) ‘У твоего дяди Ласея мы возьмём только одну лошадь’; кп. *Степаныс* ***туй мортлісь*** *небис тальянка, учёт, но гора гармошка.* (С. Федосеев) ‘Степан купил у прохожего тальянку, маленькую, но звонкую гармошку’. При описании ситуации с активным посессором, который сам передаёт объект адресату, используется эгрессив. Примеры: кз. *Сідз лун бӧрся лун, тӧлысь бӧрся тӧлысь* ***челядьсяньыс*** *письмӧ виччысьӧмӧн и оліс.* (Б. Шахов) ‘Так изо дня в день, из месяца в месяц и жил он в ожидании письма от детей’; кп. *Этӧ тэныт подарок* ***Архипкаыссянь*** *да* ***Егоршаыссянь.*** (В. Баталов) ‘Это тебе подарок от Архипки и Егорши’.

2. Источник информации (восприятия, получения сведений). Оформление источника информации в коми языке зависит от активности / пассивности субъекта, как и в предыдущем случае. Если субъект получает информацию целенаправленно, источник оформляется аблативом; в случае, если информация получена непроизвольно, источник оформляется эгрессивом. Примеры: кз. *Ылыс рӧдъяс пӧ найӧ,* ***мамӧсянь*** *кывлі.* (В. Тимин) ‘Дальние родственники, мол, они, об этом я от матери слышал’; *Прамӧй кужысь* ***йӧзлысь*** *тӧдмавны коліс.* (М. Игнатов) ‘Надо было узнать у хороших умельцев’; кп. *Кывлі ме умнӧй* ***отирсянь****, – шуис Пестерин, – бытьтӧ пӧ кӧркӧ важын ни татӧн шаманнэз олӧмась.* (В. Баталов) ‘Слышал я от умных людей, – сказал Пестерин, – как будто бы здесь когда-то в прошлом жили шаманы’. *Тэ и дудіэсӧ адззылін? – юаліс* ***зонкаокыслісь*** *мастер.* (В. Баталов) ‘Ты и голубей видел? – спросил у мальчишки мастер’.

В удмуртском языке в обоих случаях употребляется аблатив, активность/пассивность источника информации не маркируется, ср.: удм. *Худграфе лыктэм но* ***секретарьлэсь*** *юам Батыршин студент сярысь.* (Удмурт дунне, 2011.09.09) ‘Он пришёл на художественно-графический факультет и спросил у секретаря о студенте Батыршине’; *Ар ортчыса гинэ, Пётр Чернов* ***писательлэсь*** *кылӥ ныльпи садын малы монэ сокем яратымтэзэс.* (Удмурт дунне, 2008.03.21) ‘Только спустя год от писателя Петра Чернова я узнал, почему так меня не любили в детском саду’.

3. Значение причины. В пермяцких диалектах эгрессив является основным падежным средством выражения причины. Он употребляется при выражении различных причинных отношений: внутренней и внешней причины, непосредственной и опосредованной, объективной и субъектной. Примеры: кп. *Саймис сія* ***кӧдзытсянь*** (В. Баталов) ‘Проснулся он от холода’; *Тӧданыс ӧтамӧднысӧ соя-вока, синваэзныс* ***радсяняс*** *петасӧ* (фольклор) ‘Узнали друг друга брат с сестрой, от радости прослезились’; *Ярашко бура мыдзис лунся* ***котрасьӧмсянь*** *да кузь* ***думасянь.*** (В. Климов) ‘Ярашко сильно устал от дневных забот и долгих размышлений’; *Вӧлі сэк няньтӧм год –* ***тшыгсяняс*** *отирыс куліс, пипу* ***качсянь*** *и* ***туруннэзсянь*** *дундіс да пыктіс.* (В. Климов) ‘Тогда был неурожайный год – народ умирал от голода, от осиновой коры и травы вздувался и опухал [живот]’; *Катялӧ* ***Алексейсянь*** *бур оланыс абу.* (С. Федосеев) ‘У Кати не ладится жизнь с Алексеем (букв. ‘из-за Алексея’)’.

В коми-зырянском языке падежными средствами выражения причины являются элатив и консекутив. В ряде контактных диалектов (лузско-летском, среднесысольском, верхнесысольском,

присыктывкарском) параллельно с элативом при выражении причины используется эгрессив, ср.: лл. (Сл.) *Кырымйас д'эгдӧнӧ* ***вас'ан'ыс.*** 'Руки мёрзнут от воды' [6, 47]; сс. (В.) ***Кранс'ан'ыс*** *сийӧ кулӧм.* 'Он погиб при несчастном случае, работая на кране (букв. 'умер от крана')' [10, 31]; вс. (Кб.) *Стӧканыс пӧс'* ***вас'эн'ыс*** *пазэс'с'ас.* 'Стакан от горячей воды лопнет' [5, 71], скр. (В.) *Ӧшин'сӧ* ***самӧварс'ан'ыс*** *руалис* 'Окна от самовара запотели' [7, 70].

В удмуртском языке значение причины спорадически могут выражать элатив и аблатив [11, 100, 185].

Семантические особенности эгрессива в коми-пермяцком языке

В коми-пермяцком языке эгрессив имеет значения, которые в коми-зырянском языке входят в семантическую зону элатива (показатель *-ысь*), в удмуртском языке – в семантическую зону аблатива.

1. Исходная ситуация. При глаголах движения эгрессив используется для выражения предшествующей ситуации. Падежный показатель принимают отглагольные существительные с суффиксом *-ан,* реже *-ӧм*. В дополнительной дистрибуции к эгрессиву находится послелог *вывсянь* 'с', который употребляется в сочетании с неотглагольными существительными. Выбор послелога и падежного показателя обусловлен различным осмыслением ситуации: при употреблении послелога указывается как сама ситуация, так и место, явившееся исходным пунктом движения, при употреблении эгрессива указывается только исходная ситуация, которая предшествовала ситуации движения. Примеры: *Гожся мича лунӧ ме кайи* ***чериалансянь*** *гортӧ.* (В. Баталов) 'В погожий летний день я шел домой с рыбалки'; *Митипер* ***уджалансянь*** *муніс гортӧ* <…> (С. Федосеев) 'Митипер шёл с работы домой'; *Кыдзкӧ бертасӧ* ***удж вывсянь*** *и лабич бердісь казяласӧ веж пятноэз.* (фольклор) 'Как-то [они] придут с работы и увидят возле лавки зелёные пятна'.

При глаголах прекращения действия показатель эгрессива в сочетании с отглагольными существительными с суффиксом *-ӧм* выражает ситуацию, которая временно или совсем прекращается. В данном случае эгрессивная словоформа конкурирует с элативной словоформой, а также с инфинитивом, более частотным является инфинитив. Неотглагольные существительные в таких конструкциях употребляются с послелогом *бердісь* 'от'. Примеры: *Санко недырик кежӧ орӧтчыштіс* ***гижсьӧмсяняс*** *да дзарнитіс бумагаэс вылӧ.* (А. Ермаков) 'Санко ненадолго оторвался от письма и взглянул на бумаги'; *А вот кыдз орӧтчыштан* ***удж бердсит*** *– быд шыыс ӧшынат пырӧ.* (В. Баталов) 'А вот как оторвешься от работы – слышишь каждый шорох, доносящийся из окна'

2. Нежелательный участник ситуации / нежелательная ситуация. В коми-пермяцком языке при глаголах *дорйыны* 'защищать', *сайӧвтны* 'спрятать, прятать', *сайласьны* 'прятаться, избегать', кп. *мездмыны* 'освободиться, избавиться' эгрессив указывает на факультативного участника, присутствие которого в ситуации нежелательно, а также на ситуацию, которая нежелательна для участника ситуации. Примеры: *– Тэ мездін менӧ лёк* ***волшебниксянь***, *но эта эшӧ не быдӧс.* (фольклор) '– Ты избавил меня от злого волшебника, но это еще не все'; *Быдкодь* ***бедасянь*** *мездывлӧма отирсӧ Пера-богатырь.* (фольклор) 'От всякой беды Пера-богатырь избавлял народ'; <…> *юрсӧ не* ***зэрсянь,*** *не* ***лымсянь****, не* ***шондісянь****, не лёк* ***тӧвсянь*** *абу сайӧвтлӧма.* (фольклор) '<…> голову не прятал ни от дождя, ни от снега, ни от солнца, ни от сильного ветра'.

В таких контекстах параллельно с эгрессивом употребляются элатив и послелог *шогья* 'от'. Наблюдается некоторая тенденция распределения грамматических средств: при выражении нежелательного участника ситуации предпочтительны эгрессив и послелог, при выражении нежелательной ситуации – элатив, ср.: *Нія* [таррез] <...> *дзебсисьӧмась* ***хищниккез шогья.*** (В. Баталов) 'Они [тетерева] <…> спрятались от хищников'; *Колӧ меным мунны да мездыны нійӧ* ***бедаись*** (фольклор) 'Мне надо идти и вызволить их из беды'.

3. Значение стимула эмоций. В коми-пермяцком языке эгрессив спорадически употребляется при глаголах *повны* 'бояться', *повзьыны* 'испугаться' в случае, когда глагол 'бояться' принимает в качестве объекта обозначение ситуации, т. е. эгрессивом оформлено отглагольное существительное, обозначающее действие. В современном коми-пермяцком языке предпочтительным в таких контекстах является элатив. Примеры: *Му бердӧт литовкаэзӧн* ***ӧвтышталӧмсянь*** *нія эз полӧ.* (Т. Фадеев). 'Они не боялись взмахов косой по земле'; *Зэв* ***сибӧтчӧмись*** *да киэзӧн* ***ӧвтыштӧмись*** *куканьнез эз полӧ.* (Т. Фадеев) 'Телята не боялись приближения [людей] и взмахов их рук'. В языке XIX – начала XX вв. употребление эгрессива

было более частотным, показатель эгрессива допускали как неодушевленные, так и одушевленные существительные, подробнее см. [17]. Примеры: <...> *н'ія полöны* ***öта-мöдсянь****, полöны и* ***мортсянь*** [25, 26] '<...> они боятся друг друга, боятся и человека'; *Ныв Марія повзис эна* ***шыезсянь*** [21, 5] 'Дева Мария испугалась этих звуков'; *Он яй тэ пов* ***Енсянь***? [21, 53] 'Разве не боишься ты Бога?'.

4. Значение инструмента. Основным средством выражения инструментального значения в пермских языках является инструменталь. При описании ситуации, где используется огнестрельное оружие, воздействующее на объект с помощью средства, направленного из внутренней части оружия, в коми-пермяцком языке параллельно с элативом может употребляться эгрессив. Примеры: *Педöт Тима пö сылö сидзöма* ***пулемётсянь.*** (В. Баталов) 'Федот Тима, говорят, попал в него из пулемёта'; *Сайгортчи дзебсисисö джоджуввезö, гуэзö, гиддэзö, баняэзö да асывсянь луншöрöдз полöмöн кывзісö* ***пулемёттэзісь*** *и* ***винтовкаэзісь*** *лыйсьöм шыэз.* (В. Баталов) 'Жители Сайгорта спрятались в подпольях, в ямах, в хлевах, в банях и с утра до полудня слушали звуки выстрелов из пулемётов и винтовок'.

5. Значение стандарта сравнения. Р. М. Баталова отмечала употребление эгрессива при выражении сравнительных отношений в верхнекамском диалекте. Примеры: ***Месянь*** *не шаньжыка.* 'Не лучше меня'; ***Банясень*** *шоныджык.* 'Теплее бани' [3, 153]. В последующих исследованиях диалекта при описании семантики падежа это значение уже не отмечается [22, 194; 23: 40]. Стандартным падежным средством выражения сравнительных отношений в коми-пермяцком языке, а также в южных коми-зырянских диалектах является компаратив (показатель *-ся*).

Семантические особенности эгрессива в коми-зырянском языке

Нетривиальное употребление эгрессива зафиксировано в удорском диалекте, а также в кольских говорах ижемского диалекта. Эгрессивом вводится участник, способствующий субъекту действия, он указывает на позицию субъекта в ситуации. Примеры: уд. (Чупр.) *Сийа вэк* ***мэс'ан'ö.*** 'Он всегда за меня (на моей стороне)', *Айыс бабаыс вылö, а пиыд* ***мамыдс'ан'.*** 'Отец (кидается) на жену, а сын за мать (на стороне матери)'[1]; иж. *тэсяньыд* 'за тебя', *мисяньнум* 'за нас' [24, 147]. Соответствием эгрессиву в других коми-зырянских диалектах является послелог *дор* 'за', ср. *ме мам дор* 'я за мать'.

Семантические особенности эгрессива в удмуртском языке

В удмуртском языке эгрессив может конкурировать с инессивом в одних и тех же лексико-семантических условиях при выражении пространственного, пространственно-метафорического и темпорального значений. Семантически нейтральным и более частотным является инессив. Описывая семантическое различие эгрессива и инессива при выражении пространственного значения, Н. В. Кондратьева отмечает, что в случае употребления эгрессива «присутствует оттенок нарративности: морфологически маркеры отдалительного падежа локализуют действие к его начальному моменту, за которым следует основное действие». При употреблении инессивных форм описывается «локализация действия в пространстве безотносительно к его протяженности во времени <...>, морфологические маркеры отдалительного падежа вносят в предложение указание на то, что местоположение субъекта действия изменилось по отношению к его локализации к началу действия. Для инессивных форм распределение локализации действия по отношению к его начальному местоположению или продолжению не является основной коммуникативной задачей» [11, 190–191]. Представляется, что значение эгрессива в таких контекстах формируется из двух компонентов: эссивного (нахождение в определенном месте) и элативного (удаление из этого места), условно это значение можно было бы обозначить как «временное (исходное) местонахождение». Говорящий осмысливает протекание действия во времени, акцентируя определенные аспекты ситуации. Поэтому эгрессив, в отличие от инессива, употребляется при описании последовательности событий, указывает на связь предшествующей ситуации с последующей, когда происходящее представляется как цепь ситуаций. Элативный компонент, скорее всего, может редуцироваться, эгрессивный показатель в таких случаях приобретает стилистическую маркированность – эмоционально-экспрессивное выделение, о чем можно судить по описанию семантики эгрессива в северноудмуртских

[1] Сорвачева В. А. Удорский диалект коми языка. Отчет о научно-исследовательской работе за период 1969–1972 гг. Сыктывкар, 1972. (Архив Коми Научного центра УрО РАН, ф. 5, оп. 2, ед. хр. 92). С. 162.

диалектах, ср. эгрессив «более конкретно указывает на место, как бы выделяя его» [1, 17].

1. Пространственное значение. Эгрессив указывает на отнесенность исходной ситуации к определенному месту, продолжение может иметь как исходная ситуация, так и вызванное этой ситуацией иная ситуация. Примеры: удм. *Соин тодматским* ***Ижысен,*** *студент вакытам.* (Удмурт дунне, 2013.05.27) ‘С ним мы познакомились в Ижевске, в студенческие годы’; *Армиысь бертыкум,* ***Пермьысен*** *васькиэшелонысь. Собере Кам кузя – дор палам, Менделеевске, отӥяз гуртозям – пыдын*. (Удмурт дунне, 2010.05.07) ‘Возвращаясь с армии, вышел из эшелона в Перми. Потом по Каме – в сторону дома, в Менделеевск, оттуда до своего дома – пешком’.

2. Пространственно-временное значение. Эгрессив указывает на ситуацию как место его протекания. Примеры: *Милям Ленинградысь А. Островский нимо театральной институтамы одӥг грузинлэсь* ***экзаменысен*** *юало: мар со сыхе «система Станиславского»?* (Удмурт дунне, 2007.04.27) ‘В нашем Ленинградском театральном институте им. А. Островского у одного грузина на экзамене спрашивают: что это такое «система Станиславского»?’; ***Фронтысен*** *ик Мария Боярова партие но пыриз*. (Удмурт дунне, 2012.01.17) ‘На фронте же Мария Боярова вступила в партию’.

3. Темпоральное значение. Эгрессив указывает на отнесенность ситуации к определённому моменту времени, сама эта ситуация является источником последующей ситуации. Примеры: *2003-тӥ* ***арысен*** *вуи Австриысь Инсбрук городэ. Татысь университет бордын Европаысь этнологияя но фольклоръя институтын ужай.* (Удмурт дунне, 2011.02.25) ‘В 2003 году я приехала в австрийский город Инсбрук. Работала в Европейском институте этнологии и фольклора при этом университете’; *Нош собере, 1918-тӥ* ***арысен,*** *партийной билет басьтӥз.* (Удмурт дунне, 2011.03.02) ‘А затем, в 1918 году, он получил партийный билет’.

Обсуждение и заключение

Семантическая структура эгрессива, наряду с общепермскими чертами, имеет значения, объединяющие только два родственных языка, и значения, присущие только одному из языков. В таких случаях соответствиями эгрессиву чаще всего выступают падежи со сходным пространственным значением (исходный пункт движения) и имеющие этимологически общий компонент (*-сь*) в суффиксе – элатив, аблатив и компаратив. Наблюдается следующее межъязыковое варьирование падежей: удмуртский язык – аблатив, коми-зырянский язык – элатив, эгрессив и коми-пермяцкий язык – эгрессив, элатив, компаратив. Представляется, что в основе развития межъязыковой функциональной корреспонденции отмеченных падежей лежит объединяющий их семантику параметр ориентации, который сыграл существенную роль в развитии непространственных значений. В семантической эволюции удмуртского эгрессива явно просматриваются две линии: развитие семантики на основе элативного параметра и развитие на основе элативно-эссивного параметра. Значения эгрессива, зафиксированные только в удмуртском языке, развились на основе элативно-эссивного параметра, в коми языке они передаются инессивом и послелогом *вылын* ‘на’. Учитывая специфические значения удмуртского эгрессива, можно допустить, что в формировании суффикса *-ысен* участвовал суффикс с эссивным значением, которым мог быть инессив. Поэтому следует согласиться с Е. С. Гуляевым, что исходно суффиксы *-ысен* и *-сянь* семантически должны были различаться. В период развития удмуртского языка произошла нивелировка и обобщение функций эгрессивных суффиксов [4, 149].

Сокращения

Языки: кз. – коми-зырянский; кп. – коми-пермяцкий; удм. – удмуртский.

Коми-зырянские диалекты: вс. – верхнесысольский, иж. – ижемский; лл. – лузско-летский; скр. – присыктывкарский; сс. – среднесысольский; уд. – удорский.

Список источников и литературы

1. Алашеева А. А. Пространственные падежи северно-удмуртского наречия (на материале верхнечепецкого говора) // Пермистика–3: Диалекты и история пермских языков: сб. ст. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 1992. С. 16–19.

2. Апресян Ю. Д. Избранные труды. М.: Языки русской культуры, 1995. Том II. 767 с.

3. Баталова Р. М. Коми-пермяцкая диалектология. М.: Наука, 1975. 252 с.

4. Гуляев Е. С. Происхождение падежей с элементом сь в коми языке // Историко-филологический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. Вып. 5. С. 131–160.

5. Жилина Т. И. Верхнесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1975. 268 с.

6. Жилина Т. И. Лузско-летский диалект коми языка. М.: Наука, 1985. 272 с.

7. Жилина Т. И., Бараксанов Г. Г. Присыктывкарский диалект и коми литературный язык. М.: Наука, 1971. 276 с.

8. Кельмаков В. К. Краткий курс удмуртской диалектологии: Введение. Фонетика. Морфология. Диалектные тексты. Библиография. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1998. 386 с.

9. Кибрик А. Е. Место сравнительного языкознания в кругу лингвистических дисциплин // Исследования по лингвистике и семиотике: Сб. ст. к юбилею. Вяч. Вс. Иванова. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 16–26.

10. Колегова Н. А., Бараксанов Г. Г. Среднесысольский диалект коми языка. М.: Наука, 1980. 226 с.

11. Кондратьева Н. В. Категория падежа имени существительного в удмуртском языке. Ижевск: Удм. ун-т, 2011. 255 с.

12. Корпус коми языка. URL: http://www.komicorpora.ru (дата обращения: 27.01.2021).

13. Корпус удмуртского языка: URL: http://web-corpora.net/UdmurtCorpus/search/?interface_language=ru (дата обращения: 15.01.2021).

14. Кузнецов Н. В. Пространственная семантика местных падежей коми языка (когнитивный анализ). Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2012. 244 с.

15. Максимов С. А. Вторичные пространственные падежи в удмуртском языке: эволюция исследования и терминологии, причины формирования // Урало-алтайские исследования. 2018. № 1 (28). С. 33–48.

16. Мосина Н. М. Система глубинных падежей в эрзянском языке. Саранск: Изд-во Мордовского ун-та, 2013. 222 с.

17. Некрасова Г. А. Вариативность оформления актанта глагола ’бояться’ в коми-пермяцком языке // Linguistica Uralica, 2016. Т. 52. № 2. С. 103–110.

18. Некрасова Г. А. Изменения в падежной системе коми-пермяцкого языка XIX–XX вв. (по материалам письменных источников) // Ежегодник финно-угорских исследований. 2016. Т. 10. № 3. С. 7–16.

19. Некрасова Г. А. Варьирование падежных суффиксов в современном удмуртском языке // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2020. Т. 14. № 1. С. 25–32.

20. Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки. М.: Наука, 1976. 464 с.

21. Рассказы из Священной истории Нового Завета // Рассказы из Священной истории Ветхого и Нового Завета. Казань: Изд. свящ. Я. В. Шестакова; Типолит. Императ. ун-та, 1900. С. 3–61.

22. Сажина С. А. Падежная система верхнекамского наречия коми-пермяцкого языка // Пермистика 13: Вопросы пермского языкознания. Сыктывкар: Коми НЦ УрО РАН, 2012. С. 189–196.

23. Сажина С. А. Словоизменение существительных в языке кировских пермяков // Ежегодник финно-угорских исследований. Ижевск, 2021. Т. 15. № 1. С. 34–44.

24. Сахарова М. А., Сельков Н. Н. Некоторые особенности говора кольских коми // Историко-филологический сборник. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1960. Вып. 6. С. 130–151.

25. Щапов П. В. Вторая книга для чтенія и практическихъ упражненій на пермяцкомѣ языкѣ. Казань, Центр. тип-я, 1909. 78 с.

26. Aminoff T. G. Votjakin äänne-ja muoto-opin luonnos // Journal de la Société Finno-Ougrienne. Helsinki:, 1896. Vol. 14/2. pp. 1–48.

27. Arkhangelskiy T., Usacheva M. Case compounding in Beserman Udmurt // Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics (ELESUKA– JEFUL). Tartu. 2018. Vol. 9. № 1. Pp. 111−138.

28. Bartens R. Permilaisten kielten rakenne ja kehitys. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2000. 376 p. (= MSFOu 238).

29. Budenz J. Az ugor nyelvek összenhasonlító alaktana. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1884–1894. 391 p.

30. Caritive constructions in the languages of the world. Abstracts of the international conference, Saint Petersburg / Online 30 November – 2 December 2020. St. Petersburg: ILS RAS, 2020. 108 p.

31. Csúcs S. Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 410 p.

32. Grünthal R. Case and adpositions in Uralic. Uralic Typology Database Project. Wien, 25.08.2008-27.08.2008. Available at: http://www.univie.ac.at/urtypol/ (accessed: 1.03.2021).

33. Kracht M. The Structure of Local Cases and its Relevance for the Study of Uralic Languages // Proceedings of the Congressus IX. Fenno-Ugristarum. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, Vol. II. 2001. pp. 160–165.

34. Kracht M. The Semantics of Locatives in the Uralic languages // Les languages ouraliennes aujourd’hui. Approche linguistique et cognitive. J. Fernandez-Vest (ed.). Paris: Librarie Honoré Champion, 2005. pp. 145–158.

35. Rédei K. Geschichte der permischen Sprachen // The Uralic Languages. Description, history and foreign influences / Denis Sinor (ed.). Leiden–New York–København–Köln: E. J. Brill, 1988. pp. 351–394.

36. Vászolyi E. Az uráli -n’ latívuszrag nyomai a zürjén és a votják nyelvben // NyK. 1968. 70. köt. 374–382 p.

References

1. Alasheeva A. A. *Prostranstvennye padezhi severno-udmurtskogo narechiya (na materiale verhnechepeckogo govora* [Spatial cases of the Northern Udmurt dialect (based on the material of the Upper Chepetsk dialect)]. *Permistika–3: Dialekty*

i istoriya permskih yazykov: sb. st. [Permistika–3: Dialects and history of the Permian languages: collection of papers]. Syktyvkar: Komi NC UrO RAN Publ., 1992. pp. 16–19. (In Russian)

2. Apresyan Yu. D. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow: Yazyki russkoj kul'tury Publ., 1995. Vol. II. 767 p. (In Russian)

3. Batalova R. M. Komi-permyackaya dialektologiya [Komi-Permian dialectology]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 252 p. (In Russian)

4. Gulyaev E. S. Proiskhozhdenie padezhej s elementom s' v komi yazyke [The origin of cases with the element s' in the Komi language]. Istoriko-filologicheskij sbornik [Historical-philological collection]. Syktyvkar: Komi kn. iz-vo Publ., 1960. Iss. 5. pp. 131–160. (In Russian)

5. Zhilina T. I. Verhnesysol'skij dialekt komi yazyka [Upper-Sysola dialect of the Komi language]. Moscow: Nauka Publ., 1975. 268 p. (In Russian)

6. Zhilina T. I. Luzsko-letskij dialekt komi yazyka [Luza-Letka dialect of the Komi language]. Moscow: Nauka Publ., 1985. 272 p. (In Russian)

7. Zhilina T. I., Baraksanov G. G. Prisyktyvkarskij dialekt i komi literaturnyj yazyk [Syktyvkar dialect and Komi literary language]. Moscow: Nauka Publ., 1971. 276 p. (In Russian)

8. Kelmakov V. K. Kratkij kurs udmurtskoj dialektologii: Vvedenie. Fonetika. Morfologiya. Dialektnye teksty. Bibliografiya [Short course of Udmurt dialectology: Introduction. Phonetics. Morphology. Dialect texts. Bibliography]. Izhevsk: Izd-vo Udm. un-ta Publ., 1998. 386 p. (In Russian)

9. Kibrik A. E. Mesto sravnitel'nogo yazykoznaniya v krugu lingvisticheskih disciplin [The place of comparative linguistics in the circle of linguistic disciplines]. Issledovaniya po lingvistike i semiotike: Sb. st. k yubileyu. Vyach. Vs. Ivanova [Studies in linguistics and semiotics: Collection of papers for the anniversary of V. V. Ivanov]. Moscow: Yazyki slavyanskih kul'tur Publ., 2010. pp. 16–26. (In Russian)

10. Kolegova N. A., Baraksanov G. G. Srednesysol'skij dialekt komi yazyka [Middle-Sysola dialect of the Komi language]. Moscow: Nauka Publ., 1980. 226 p. (In Russian)

11. Kondratyeva N. V. Kategoriya padezha imeni sushchestvitel'nogo v udmurtskom yazyke [The category of the case of the noun in the Udmurt language]. Izhevsk: Udmurt univ. Publ., 2011. 255 p. (In Russian)

12. *Korpus komi yazyka* [Corpus of the Komi language]. Available at: http://www.komicorpora.ru/ (accessed January 27, 2021). (In Komi)

13. *Korpus udmurtskogo yazyka* [Corpus of the Udmurt language]. Available at: http://web-corpora.net/UdmurtCorpus/search/?interface_language=ru (accessed January 15, 2021). (In Udmurt)

14. Kuznetsov N. V. Prostranstvennaya semantika mestnyh padezhej komi yazyka (kognitivnyj analiz) [Spatial semantics of local cases of the Komi language (cognitive analysis)]. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus Publ., 2012. 244 p. (In Russian)

15. Maksimov S. A. Vtorichnye prostranstvennye padezhi v udmurtskom yazyke: evolyuciya issledovaniya i terminologii, prichiny formirovaniya [Secondary spatial cases in the Udmurt language: the evolution of research and terminology, the reasons for the formation]. Uralo-altajskie issledovaniya [Ural-Altai Studies], 2018, no. 1 (28), pp. 33–48. (In Russian)

16. Mosina N. M. Sistema glubinnyh padezhej v erzyanskom yazyke [The system of deep cases in the Erzya language]. Saransk: Izd-vo Mordovskogo un-ta Publ., 2013. 222 p. (In Russian)

17. Nekrasova G. A. Variativnost' oformleniya aktanta glagola 'boyat'sya' v komi-permyackom yazyke [The variability of the design of the actant of the verb 'to be afraid' in the Komi-Permian language]. Linguistica Uralica [Linguistica Uralica], 2016, no. 52 (2), pp. 103–110. (In Russian)

18. Nekrasova G. A. Izmeneniya v padezhnoj sisteme komi-permyackogo yazyka XIX-XX vv. (po materialam pis'mennyh istochnikov) [Changes in the case system of the Komi-Permian language in the XIX–XX centuries (based on the materials of written sources)]. Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2016, no. 10 (3), pp. 7–16. (In Russian)

19. Nekrasova G. A. Var'irovanie padezhnyh suffiksov v sovremennom udmurtskom yazyke [Variation of case suffixes in the modern Udmurt language]. Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2020, no. 14 (1), pp. 25–33. (In Russian)

20. Osnovy finno-ugorskogo yazykoznaniya. Marijskij, permskie i ugorskie yazyki [Fundamentals of Finno-Ugric linguistics. Mari, Permian and Ugric languages]. Moscow: Nauka Publ., 1976. 464 p. (In Russian)

21. Rasskazy iz Svyashchennoj istorii Novogo Zaveta [Stories from the Sacred History of the New Testament]. Rasskazy iz Svyashchennoj istorii Vethogo i Novogo Zaveta [Stories from the Sacred History of the Old and New Testament]. Kazan: Izd. svyashch. Ya. V. Shestakova: Tipolit. Imperat. un-ta Publ., 1900. pp. 3–61. (In Komi-Permian)

22. Sazhina S. A. Padezhnaya sistema verhnekamskogo narechiya komi-permyackogo yazyka [Case system of the Upper Kama dialect of the Komi-Permian language]. Permistika–13: Voprosy permskogo yazykoznaniya [Permistika–13: Isssues of Permian linguistics]. Syktyvkar: Komi NC UrO RAN Publ., 2012. pp. 189–196. (In Russian)

23. Sazhina S. A. Slovoizmenenie sushchestvitel'nyh v yazyke kirovskih permyakov [Noun derivation in the language of the Komi-Permian people]. Ezhegodnik finno-ugorskih issledovanij [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2021, no. 15 (1), pp. 34–44. (In Russian)

24. Sakharova M. A., Selkov N. N. Nekotorye osobennosti govora kol'skih komi [Some features of the Kola Komi dialect]. Istoriko-filologicheskij sbornik [Historical-philological collection]. Syktyvkar: Komi kn. iz-vo Publ., 1960. Iss. 6. pp. 130–151. (In Russian)

25. Shchapov P. V. *Vtoraya kniga dlya chteniya i prakticheskih uprazhnenij na permyackom yazyke* [The second book for reading and practical exercises in the Permian language]. Kazan: Centr. tip-ya Publ., 1909. 78 p. (In Komi-Permian)

26. Aminoff T. G. Votjakin äänne-ja muoto-opin luonnos. *JSFOu*, 1896, no. 14/2, pp. 1–48. (In Finnish)

27. Arkhangelskiy T., Usacheva M. Case compounding in Beserman Udmurt. *Eesti ja soome-ugri keeleteaduse ajakiri. Journal of Estonian and Finno-Ugric Linguistics (ELESUKA– JEFUL)*, 2018, no. 9 (1), pp. 111−138. (In English)

28. Bartens R. *Permilaisten kielten rakenne ja kehitys*. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 2000. 376 p. (= MSFOu 238). (In Finnish)

29. Budenz J. *Az ugor nyelvek összenhasonlító alaktana*. Budapest: Magyar Tudományos Akadémia, 1884–1894. 391 p. (In Hungarian)

30. *Caritive constructions in the languages of the world*. Abstracts of the international conference. Saint-Petersburg. Online 30 November – 2 December 2020. Saint-Petersburg: ILS RAS, 2020. 108 p. (In English)

31. Csúcs S. *Die Rekonstruktion der permischen Grundsprache*. Budapest: Akadémiai Kiadó, 2005. 410 p. (In German)

32. Grünthal R. *Case and adpositions in Uralic. Uralic Typology Database Project*. Wien, 25.08.2008–27.08.2008. Available at: http://www.univie.ac.at/urtypol/ (accessed March 01, 2021). (In English)

33. Kracht M. *The Structure of Local Cases and its Relevance for the Study of Uralic Languages*. Proceedings of the Congressus IX. Fenno-Ugristarum. Tartu: Tartu Ülikooli Kirjastus, Vol. II. 2001. pp. 160–165. (In English)

34. Kracht M. *The Semantics of Locatives in the Uralic languages.* Les languages ouraliennes aujourd'hui. Approche linguistique et cognitive. J. Fernandez-Vest (ed.). Paris: Librarie Honoré Champion, 2005. pp. 145–158. (In English)

35. Rédei K. *Geschichte der permischen Sprachen*. The Uralic Languages. Description, history and foreign influences. Denis Sinor (ed.). Leiden–New-York–København–Köln: E. J. Brill, 1988. pp. 351–394. (In German)

36. Vászolyi E. Az uráli -n' latívuszrag nyomai a zürjén és a votják nyelvben. *NyK*, 1968, no. 70, pp. 374–382. (In Hungarian)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Некрасова Галина Александровна, ведущий научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Уральского отделения Российской академии наук (167982, Российская Федерация, Республика Коми, г. Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 26) кандидат филологических наук, доцент.

komilang@gmail.com

ORCID 0000-0003-4995-4772

ABOUT THE AUTHOR

Nekrasova Galina Alexandrovna, Leading Researcher, Institute of Language, Literature and History, Komi Scientific Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (167982, Russian Federation, Komi Republic, Syktyvkar, Kommunisticheskaya st., 26), Candidate of Philological Sciences, Associate Professor.

komilang@gmail.com

ORCID 0000-0003-4995-4772